

УДК 82:1

В.М. Шукшин во взаимосвязях и взаимодействии цивилизаций

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный Федеральный университет,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена культурологической мысли Запада и Востока, которым принадлежит весомая роль в освоении художественного наследия В.М. Шукшина. Своя специфика культурно-цивилизационного опыта сказывается на формировании его восприятия. Зарубежная интерпретация творчества русского писателя в диалоге с классическими западными и восточными культурами приобретает межцивилизационный уровень – как всечеловеческая ценность. Освоение художественно-эстетического опыта Шукшина базируется на активном процессе, тесно связанном с запросами национальных культур-цивилизаций. Художественным культурам традиционного Востока особенно импонирует обращение классика к крестьянской тематике, ориентация на народную культуру.

Ключевые слова

Цивилизационный подход, социокультурный диалог, русская точка зрения, аутентичное восприятие, сверлящий нерв нашего времени, границы познания человека, национальная культурная специфика, всечеловеческие проблемы, пограничные цивилизации, инациональное самосознание.

Цивилизационный подход к анализу культурно-исторического развития, в отличие от теории общест-

венно-экономической формации, применим к истории культуры любого народа, страны или группы стран; ци-

визационная теория в значительной мере учитывает опыт других школ, направлений и течений, носит явно компаративный характер.

История культуры русского народа в лице Шукшина рассматривается в свете данной теории не сама по себе, а в сравнении с историей культуры других народов планеты, переданная через восприятие историков и теоретиков культуры, философов, филологов-русистов и публицистов иных цивилизаций. Такой подход позволяет глубже понять культурно-исторические процессы и их особенности, способствует выявлению самооценности общества, его места в мировой истории и культуре, дает возможность освободиться от жесткой привязки любых культурных и исторических явлений к экономическому способу производства. К примеру, через интерпретацию, осмысление и бытование художественного наследия Шукшина принципы цивилизационного подхода позволяют определить место художника и его родины в мировой культуре и человеческом сообществе; углубленно понять некоторые особенности его творческого метода, поэтики и образной системы в сравнении с опытом разных художественных культур; дать цельное представление

о творческой личности Шукшина во всей сложности, своеобразии его творческих и идейно-эстетических исканий; углубленно высветить проблематику его художественного творчества в различных ипостасях на разных этапах развития; раскрыть коллизии идейно-эстетической борьбы вокруг проблем аутентичного восприятия наследия Шукшина с оппозицией социально-политических и культурных структур (советология), победы демократических и гуманистических сил в зарубежных культурах.

Масштабно отразив «русскую точку зрения» (В. Вулф) на существенные проблемы жизни в эпоху постмодерна, пронизав её душевной болью и человеческим состраданием из-за несовершенства современного мира, гражданской ответственностью перед днем нынешним и завтрашним, Шукшин «выявил его болевые точки» (П. Падовани), «постиг его сверлящий нерв» (Л. Дебюзер), чем открыл себе дорогу к самой широкой иностранной аудитории, утверждая тем *актуальность диалога культур* как основы человеческого взаимопонимания. Проза, кинематограф и театр Шукшина выявляют в реальной действительности некоторые *универсальные всечеловеческие ситуации* и соотносят бытие

человека с известными культурологическими концепциями, моделями и схемами. Шукшин выявляет своим участием в диалоге национальных культур степень коммуникативности цивилизаций как их сущностной и типологической черты.

Известный философ В.В. Розанов проливает свет на восприятие Шукшина другими культурами цивилизаций, когда отмечает, что «западным людям русская литература открыла эру нового нравственного миропорядка», а в свою очередь «русские никогда не увлекались нравственными характеристиками западных литератур, если это не были характеры «дополнительными для русской души»¹. Запад, убежденно фиксирует он, преклоняется вовсе не перед искусством русских писателей, довольно неуловимым в переводе, но перед новым нравственным миропорядком, какой открывается «просто картинами русской жизни и характеристиками русских людей». Розанов лично свидетельствует о «необыкновенном и исцеляющем действии, какое русская литература производит на иностранцев, американцев, немцев, англичан «в несчастии», в «ломке жизни», в «крушившейся судьбе». От шведов фило-

1 Розанов В.В. Собр. соч.: Среди художников. – М., 1994. – С. 356.

софу даже доведётся услышать: «Мы же знаем русскую жизнь, потому что мы читаем Толстого. И ваши деревни, и ваши мужики, и ваша религия – *не чужие нам*»².

Известность и популярность Шукшина во всём мире нарастают с публикацией всё новых сборников избранной прозы, исторических романов и «повестей для театра». С появлением повести и её киноверсии «Калина красная» (1974), триумфально обошедшей все континенты за последующие пять лет, к Шукшину приходит поистине мировая слава. В скорбные октябрьские дни 1974 г. итальянский публицист К. Бенедетти пронизательно отмечает в некрологе: «Смелый режиссер, актер исключительной чуткости и таланта, автор произведений, посвященных жизни великой России, находится в центре внимания *мировой кинематографии* благодаря своей последней работе»³. Признание «русской точки зрения» на жизнь и искусство заключает в себе понимание привносимого Шукшиным в мировую культуру: с ним в художественное творчество входит нечто важное и недостающее,

2 Там же. С. 357.

3 Benedetti C. Fu interprete fedele della vita Contadina // L'Unita. – Roma, 1974. – 4 ott. – P. 7.

нечто такое, что настойчиво ищется и не всегда находится в зарубежных культурах – вдумчиво-философский взгляд на человека и общество, смелое экспериментаторство и реализм в области слова, кинообраза, жанра и стиля, пронзительный гуманизм и покоряющая народность.

«Открытие» Шукшина в зарубежных культурах сопровождается восприятием его как художника, с одной стороны, стремящегося выйти на пространственный уровень национального, в свете индивидуальной «поливалентности» – многосторонности дарования, а с другой – всечеловеческого универсума.

Особенности межцивилизационного восприятия русского художника как сложная система взаимосвязанных явлений всегда имеет место в каждом конкретном случае. В своё время знаменитый немецкий мастер исторического романа Л. Фейхтвангер пронзительно констатировал, что немецкая аудитория лучше улавливает тонкости романов Генриха Манна, но общий облик Германии в них гораздо легче схватывается не немцем. С другой стороны, «мелкие» подробности в книгах М. Горького – и, надо думать, других крупных российских писателей, – не привлекающие внимания

русской аудитории, приобретают особый смысл в глазах иностранца: они фиксируются в его памяти, в них он находит «Россию»⁴. Впечатляющая сила воздействия в зарубежных классических культурах-цивилизациях русских мастеров слова измеряется, по мнению немецкого публициста Р. Люксембург, не только талантом, но чем-то бóльшим – «цельным и широким мировоззрением, придающим тончайшую чувствительность социальной совести русской литературы», продолжающим «трепетную до болезненности чуткость» и вдохновляющим её на «неустанный поиск и напряженные раздумья над социальными загадками»⁵.

Что делает исторический роман «Я пришел дать вам волю» заслуживающим прочтения, обращается немецкий переводчик Т. Решке к своим соотечественникам, так это не только исторические познания, но и знакомство с такими персонажами, как Степан Разин и его сподвижники, которые ни в коем случае не подаются

4 Фейхтвангер Л. Литература – сила, сближающая народы // Фейхтвангер Л. Собр. соч. в 6 тт.: Т. 6, кн. 1. – М., 1991. – С. 723.

5 Luxemburg R. Die Seele der russischen Literatur // Luxemburg R. Schriften über Kunst und Literatur. – Dresden, 1979. – P. 61.

невыразительными и неподвижными, а, напротив, выглядят колоритными и жизнестойкими. «Шукшин как кинематографист должен был видеть всё содержание в пластических картинах, изображая сцены из жизни России XVII в., напоминающие нам своей верностью жизни полотна Питера Брейгеля»⁶. Вместе с Т. Решке у многих исследователей-славистов на Западе шукшинские образы правомерно ассоциируются с известными творениями живописцев нидерландской школы.

Развёрнутые послесловия Л. Дебюзера, сопровождающие отдельные тома немецкого собрания сочинений Шукшина, несомненно, принадлежат к лучшему, что сказано о нём в западных культурах-цивилизации. В частности, размышляя над романом о Разине и отражённой в нём эпохе, она приходит к выводу о «движении познавательного процесса автора от спонтанной апологии бунтаря к углубленному пониманию трагических противоречий исторического развития; оба пути познания – Разина и Шукшина – тема романа»⁷. Проницательный филолог-русист справедливо

отмечает, что трагедийно-героический Разин принадлежит к тем фигурам мировой и русской культуры, к которым каждая эпоха вновь и вновь возвращается *для своего самопознания* – потому так богата литература о нем. Он легендарен, как Фауст, Дон Кихот, Уленшпигель, полагает носительница западной культуры, и вместе с тем историчен, как Цезарь, Жанна д'Арк, Иван Грозный и другие. Не случайно стоят в одном ряду исторические личности, герои литературы и фольклора. Каждая из этих фигур, независимо от своего происхождения, есть одновременно символ определенного способа мышления и поведения.

Свойственная Л. Дебюзеру глубина цивилизационного осмысления феномена Шукшина позволяет проникновенно высветить философско-мировоззренческие и культурно-исторические аспекты его творчества. «Он отразил *новые стороны человека нашей эпохи*. Наследие его и он сам есть живое, *важное для будущего* выражение «двух душ» – русской жизни и русской литературы, которые находят друг друга»⁸. Чем лучше узнаешь ге-

6 Reschke Th. Stenka Rasin – Mensch und Legende // Buchklub-65. – 1978. – № 4. – P. 12.

7 Debüser L. St. Rasin – Geschichte, Legende, Literatur // Schukschin W. Ich

kam euch die Freiheit zu bringen. – Berlin, 1978. – P. 472.

8 Debüser L. Unwirklich muß man über Rußland nachdenken // Schukschin W.

роев Шукшина, размышляет она, тем яснее обозначается новый характер его «поэтического континента». «Он открывает новые закономерности, постигает *сверлящий нерв нашего времени*, всё больше думая о России»⁹. На цивилизационно-культурном уровне освоения романа о Разине немецкий славист А. Хирше утверждает, что творчески серьёзно занимает Шукшина столкновение утопической мечты о социальной справедливости с ещё не познанными законами истории в сознании народного заступника¹⁰.

Опытные исследователи современной русской культуры на Западе и Востоке особо интересуются художественной литературой, отражающей новое в российской жизни. Новое «притягивает» их в различных аспектах: будь то современный взгляд на события далёкого или недавнего прошлого, правдивый рассказ о сегодняшних драматических событиях российского общества. Именно поэтому финский публицист С. Маннила справедливо видит иное идейно-эстетическое кредо Шукшина-романиста в сравнении

с западными литераторами: в романе о Разине автор «развивает свой опыт до социально-исторического масштаба, изображая народ созидательной силой, исповедует метод, каким до сих пор показывали в основном интеллектуалов»¹¹. Содержанием своих произведений, утверждает другой тонкий знаток Шукшина из Финляндии Х. Томмола, русский художник немилосердно обличает ту нехватку человечности в отношениях между людьми, устраняющую пустоту жизни и состояние подавленности, называемое «бюрократической системой и мелочным самодовольством»¹². В актив западной культурологии входит также эссе финского публициста Ю. Тилли под выразительным названием «Шукшин, художник, гений» (1979). В нем дается углубленный обзор творческого пути кумира: от его «непосредственности ощущений» раннего Шукшина до «его стремления видеть мир с учётом многочисленных социально-психологических перемен, желания принимать во внимание многообразную культурную и мораль-

Kalina Krasnaja. Novellen. Filmszenarien. Selbstzeugnisse. – Berlin, 1981. – P. 651.

9 Там же. P. 636.

10 Hiersche A. Ein legendärer Rebell aus dem Heute gesehen // Neues Deutschland. – Berlin, 1979. – 17. / 18. Febr. – P. 14.

11 Mannila S. Suksin V.: Stenka Razin // Kansat Uutiset. – Helsinki, 1977. – 12 marrast. – P. 8.

12 Tommola H. Fenomenet V. Sjuksjin // Horisont. – Vasa / Stockholm, 1980. – № 3. – P. 78.

ную дифференциацию современного общества»¹³.

Скажет своё авторитетное слово о книге рассказов Шукшина «Калина красная» (1978) патриарх итальянской славистики, профессор ряда западных университетов и культуролог Э. Ло Гатто, автор множества работ о русской культуре, в том числе семитомной «Истории русской литературы», многое сделавший для того, чтобы по-итальянски заговорили персонажи А. Пушкина, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Островского, Ф. Достоевского, А. Чехова и других. Большой ценитель русской классической и современной художественной культуры заявляет о пристальном внимании своих соотечественников к Шукшину-прозаику, «преждевременная смерть которого явилась тяжелой утратой для всей русской литературы и для тех, кто ею интересуется на Западе»¹⁴. Его произведения позволяют разглядеть европейцам те трансформации, что имеют место в СССР: «Творческое воображение художника рисует картины советской действительности, которые так перекликаются с теми же пробле-

мами на Западе»¹⁵. Шукшин вносит важный вклад в межкультурный диалог, с позиций которого наиболее интересна повесть «Калина красная», где герой предстает «исполнителем темы преступления и наказания» в духе Достоевского.

Современным западным концепциям творчества Шукшина свойственны, за редким исключением, преимущественно политизированные подходы, поиски глубинных смыслов текста, зашифрованных знаков его «оппозиционности». Так, в русле сказанного недвусмысленно отмечает американская исследовательница Д. Немец Игнашева: «Шукшин в СССР и на Западе занял видное место как политический и социологический феномен. Его социополитические и различные психологические интерпретации остаются предпочтительнее технического анализа»¹⁶ (13, 14). Вопрос о диалектике притяжения и противостояния духовных потенциалов, сконцентрированных вокруг традиционных понятий «Россия», «Восток» и «Запад», продолжает волновать не только отечественных, но и зарубежных деятелей куль-

13 Tilli J. Suksin, taiteilija, nero // Kansan Uutiset–Helsinki, 1979. – syys. 30 – № 263. – P. 8.

14 Lo Gatto E. Il viburno di Sciukscin // Il Tempo. – Roma, 1978. – 20 mag. – P. 9.

15 Там же.

16 Nemeц Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya throgth Song // Slavic and East European Journal. – 1988. – vol. 32. – № 3. – P. 14.

туры. Летопись общения цивилизаций в XX и XXI веках содержит немало фактов взаимно заинтересованного и уважительного отношения.

Шукшин-художник обладает поистине неоценимым свойством «наводить мосты» в диалоге с другими культурами-цивилизациями. К примеру, крупный английский историк культуры и переводчик шукшинских рассказов Дж. Хоскинг, несмотря на известную идейно-социологическую оппозицию, находит в себе силы объективно признать: «В своих произведениях он затрагивает самые деликатные и сложные вопросы о роли человека в обществе. Как никто другой из писателей, *он раздвинул границы познания человека*»¹⁷. С ним солидарна американская славистка Ж. Уолл: «Шукшин становится феноменом в любой стране, являясь лучшим литературным талантом времени. Русским повезло, что его разрешили печатать в СССР, а мы, в свою очередь, счастливы, что его произведения публикуются у нас»¹⁸. В данных проницатель-

ных суждениях – культурологический ключ к объяснению непреходящего внимания и интереса в мире к творческой личности певца России.

Многосторонне проявляется высокий уровень аналитических оценок и сопоставлений, принципиального осмысления места и роли большого русского таланта в контексте цивилизационного культурного процесса, органично дополняющий межнациональный уровень диалога. На сей счёт убедительно высказывается японская русистка Мари Сэо: «Творчество Шукшина дает возможность лучше понять русского человека, знания о котором необходимы для понимания самой России в целом»¹⁹. Её мнение разделяет представитель западной цивилизации, немецкий переводчик романа о Степане Разине Т. Решке: «Произведения Шукшина больше других книг помогают нашему читателю понимать Россию»²⁰. Многоговорящее совпадение мнений о цивилизационной миссии художника.

Национальные культуры и цивилизация XX века – суть сообщающиеся сосуды, метафорически отмечает

17 Hosking G. The Fiction of Vassily Shukshin // Shukshin V. Snowball berry Red and other stories. – N.Y., 1979. – P. 19.

18 Woll J. A soviet writer above ground // New leader. – N.Y., 1979. – vol. 62. – № 4. – P. 19.

19 Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. – Барнаул, 2001. – С. 47.

20 Reschke Th. Stenka Rasin – Mensch und Legende // Buchlub-65. – 1978. – № 4. – P. 11.

Г.Д. Гачев. Причем, культуры – вертикальны, а цивилизации действуют по горизонтали нынешнего состояния мира сего... «Родники и фонтаны национальных культур втекают в общий резервуар цивилизации XX века, что содействует распространению их творений. Но творить цивилизация не может. Она – рынок для уже рождённого и созданного»²¹.

Сам факт прочтения феномена русской культуры в лице Шукшина другими культурами, иначе говоря, его духовное постижение, есть и *факт инонационального самосознания*. Так выглядит Шукшин-художник в японском, пакистанском, китайском или монгольском (Восток), американском, немецком, итальянском или французском (Запад), польском, чешском, словацком, болгарском или югославском (Славянский мир) прочтении.

Большой и разносторонний талант русского писателя и кинематографиста по-разному прокладывает пути к уму и сердцу зарубежной аудитории, многих деятелей национальной культуры, представляющих вместе с тем свою цивилизацию. Зачастую его авторское кино порождает устойчивый массовый интерес и к писательскому наследию Шукшина. Именно так происходит в

культурах Италии, Франции, Германии, стран Скандинавии и Латинской Америки, Китая, Индии, Японии... Деятели культуры иных цивилизаций ценят в Шукшине художника, поднявшегося до высот мировой культуры и не порывавшего своих связей с национальной народной почвой и классическими традициями искусства. Примечательно, что как раз в данном аспекте просматривается источник плодотворного творчества и мировой славы многих деятелей русской культуры разных эпох – М. Ломоносова, М. Горького, Ф. Шляпина, С. Лемешева, С. Есенина, М. Шолохова, А. Платонова, А. Вампилова, Н. Рубцова, В. Распутина и других.

Показателен впечатляющий характер диалога культур с различными кодами, представляющий новую страницу в летописи мирового признания Шукшина – проникновенные раздумья пакистанского писателя и переводчика на язык урду Фаиза Ахмада Фаиза. «Мне могут не поверить, но *чувство близости, родства* испытал я, когда принялся за перевод прозы Шукшина. Мне кажется, что в его деревне я узнаю нашу, пакистанскую, при всём их огромном несходстве»²².

21 Гачев Г.Д. Ментальности народов мира: сходства и отличия. – М., 2003. – С. 34.

22 Фаиз А.Ф. Достояние общества // Иностранная литература. – 1985. – № 1. – С. 170.

Несомненно, веским аргументом для такого рода сближения служит не только шукшинская тематика, но и крестьянские корни обеих культур, общее индоевропейское происхождение обоих народов при спасительном многообразии арийского мира, народное сознание, поднятое до уровня высокой культуры. Связанные с земледельческим трудом народы восточных цивилизаций видят в шукшинских произведениях своё «отражение». Поэтому они и кажутся Ф.А. Фаизу словно выросшими из самой пакистанской действительности. Восточный мир особенно ценит в Шукшине современника, не порвавшего своих связей с народной почвой.

Филолог-русист и культуролог М. Сэо, автор нескольких статей о Шукшине, многосторонне исследующая его эстетику и поэтику, впервые анализирует его восприятие в Японии. Чеховский принцип «объёмного лаконизма», весьма близкий японской классической поэтике, помогает ей понять и причину близости японцам известного «аскетизма» шукшинской прозы. «Долгие года мы, японцы, не могли знать, какие эмоции владеют людьми России, о чем думают простые люди в советском государстве. Именно поэтому живые герои в прозе

Шукшина показались нам особенно интересными. В его прозе ярко выражается *национальная культурная специфика русского народа* и вместе с тем поставлены *общечеловеческие проблемы*, в частности, нравственные. Шукшинские герои – обыкновенные люди, показанные в конкретных жизненных эпизодах, в которых мы порою узнаем себя»²³. Их универсальность вызывает всё новые констатации в восточных и западных культурах.

Новые штрихи в творческий портрет Шукшина вносит его итальянская исследовательница А. Сантуари, правомерно сближая с ним писателя и кинематографиста П. Пазолини: их «общая любовь к деревенской культуре и тревога, вызванная тем отчуждением, которое принесла с собой урбанизация»²⁴. Солидарен с соотечественницей публицист Д. Бернардини, когда заявляет, что «популярность Шукшина вышла за рамки обычной популярности кинозвёзд»²⁵. Его «присутствие» в западном и вос-

23 Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. – Барнаул, 2001. – С. 47.

24 Santuari A. Un poeta – contadino senza nostalgia // Paese sera. – Roma, 1978. – 8 lug. – P. 3.

25 Bernardini D. Il viburno rosso // Rassegna Sovietica. – Roma, 1978. – № 7. – P. 21.

точном цивилизационном пространстве постоянно ширится, органично дополняя межнациональный уровень диалога.

Беспрецедентный успех во всём мире Шукшина-кинематографиста содействовал демонстрации по центральному телевидению Италии (июль-август 1978 г.) всех авторских фильмов и актёрского дебюта в «Двух Фёдорах» М. Хуциева. Показ его работ вызвал громкий резонанс среди деятелей культуры, стал значительным событием в культурной жизни итальянцев и всего Запада. Многих историков и теоретиков культуры покоряет творческая манера русского режиссера и актёра, вызывая частые ассоциации и переключки с творениями звёзд мирового кино П. Пазолини, Д. Дина, Э. Ольми, Тавиани и других. Покоряющий гуманизм большого Мастера, магия его слова и кинообраза побеждают, как не раз бывало в зарубежных культурах, любые предрассудки и предубеждения. В оценке публициста В. Мауро автор «Калины красной» заставляет Прокудина почувствовать тепло человеческой любви и участия, раскрывая тем самым характер русской души, авторское видение мира, чистого и светлого, лишённого фальшивых театральных страданий, что вызва-

ло огромную симпатию итальянской аудитории. В творческой личности Шукшина знаток русского искусства особенно ценит его «способность так чувствовать и понимать свой народ, так любить свою родину, говорящие нам о том, что он с пророческой точностью умел определить *назначение человека*, вернуть ему человеческий облик»²⁶. Несомненно, последнее замечание В. Мауро проливает свет на причину растущего интереса к искусству Шукшина в зарубежных культурах, особенно у западной аудитории, уставшей от иррационализма, мелочности и дешёвых похождений безликих героев постмодернизма. На таком фоне суровый и честный реализм, гуманистический пафос русского художника в очередной раз производит сильное и неизгладимое впечатление.

В русле сказанного немецкому киноведу Г. Хофманну в «великой авторской ленте» «Калина красная» видится «сила русского народа»²⁷. Ему вторит Г. Собе: «Калина красная» — великий фильм, место которому в

---

26 Mauro W. Vasilij Suksin e la persona umana // Il Popolo. — Roma, 1978. — 10 febr. — P. 8.

27 Hofmann H. Berendtes Zeugnis von der Kraft des Menschen: «Kalina Krasnaja» — ein bedeutendes sowjetisches Filmwerk // National — Ztg. — 1975. — 23. Sept — P. 7.

истории кино надёжно определено»²⁸. Р. Рихтер, рецензируя немецкую кинопремьеру «Печек-лавочек» вслед за «Странными людьми», фиксировал: «Колоссальный интерес, который нашли фильмы Шукшина в Советском Союзе, покоится на его способности как режиссера, писателя и актера создавать впечатляющие образы, *затрагивающие нас непосредственно*»²⁹. Для их соотечественника П. Аренса Шукшин – «один из великих социальной литературы и искусства кино нашего времени, умный наблюдатель, чуткий первооткрыватель, актуальный рассказчик и восхитительный актер»³⁰. Большой поклонник русского таланта призывает немецких кинематографистов «учиться его правде и простоте, жесткости и любви к людям, прекрасному реалистическому письму о жизни и мире – *это нам очень нужно*»³¹.

В Японии также не обойдён серьёзным вниманием Шукшин-кинорежиссер. Так, режиссер И. Яма-

да хорошо знаком с историей советского кино и его наиболее крупными представителями. Некоторые историки кинематографа, не без иронии замечает он, склонны считать, что десятая Муза Кино родилась в США, а затем получила теоретическое обоснование как вид художественного творчества в бывшем Советском Союзе. Однако следует сказать, что, получив распространение в США как форма развлечения, кино усилиями советских кинематографистов превратилось в искусство. В дальнейшем весь ход развития мировой кинематографии в значительной степени зависел от результатов творческого поиска советских режиссеров. «Из кинематографистов-современников мне, в первую очередь, хочется упомянуть Василия Шукшина. У меня сложилось мнение, что в его фильмах находят своё продолжение творческие принципы великих русских писателей – А. Чехова и М. Горького. И питаю самое глубокое уважение к Шукшину, именно его мне хочется отметить среди современных деятелей российской кинематографии, богатой талантами»³².

28 Sobe G. Auf dem Wege einer Hoffnung // Berliner Zeitung. – 1975. – 26. Sept. – P. 6.

29 Richter J. ...denn das Dorf ist schon keine Insel mehr // Neues Deutschland. – 1976. – 24. Apr. – P. 4.

30 Ahrens P. Schukschin im Kino und ein paar Fragen // Weltbühne. – 1976. – № 26. – P. 820.

31 Там же.

32 Выдающееся явление мировой культуры // Искусство кино. – 1979 – № 8. – С. 181.

На арабском Востоке лучше знают и симпатизируют Шукшину-кинематографисту. В частности, режиссер М. Маласс во многом разделяет мнение своих сирийских коллег, добавляя в его выразительный портрет некоторые новые штрихи. В современном прогрессивном киноискусстве не найти такого направления, концепции или творческого приема, истоки которого не восходили бы к работам классиков советского кино – С. Эйзенштейна, Л. Кулешова, М. Ромма... Многих из них М. Маласс убежденно считает своими учителями: в созданном каждым из них он открыл для себя что-то новое, плодотворное, ставшее частью и его опыта. Изучение творчества классиков российского кино он и сегодня считает одной из своих важных задач. «Если говорить о современниках, то наибольшее влияние на меня как режиссера оказали фильмы Василия Шукшина. В подобном ключе мне хотелось бы снять ленту на материале о современной жизни: некоторые из проблем, которые он ставит, весьма актуальны и для нас»³³.

Другой сирийский режиссер Н. аль-Малех фиксирует ведущую роль

советских мастеров в становлении национального кинематографа как вида художественного творчества, в превращении его в могучий инструмент познания жизни, её социальных, морально-этических и философских проблем. Российское кино отличает стремление глубоко осмыслить окружающую действительность. От этой главной цели реалистического искусства неотделимы поиски новых выразительных средств кинематографа, совершенствование киноязыка. «Подобную задачу ставит перед собой, в частности, Василий Шукшин, которому, как мне кажется, удалось передать в новаторской кинематографической форме своё индивидуальное видение мира»³⁴.

Приход Шукшина в культуры иных цивилизаций, органическое «врастание» его художественного наследия в инациональную духовную жизнь убедительно свидетельствует о непреложной истине: художник, чтобы добиться мирового признания, должен быть, прежде всего, национальным. Проницательно и весомо судит об этом французский киновед М. Мартен: «Шукшин сумел задеть в нас самые глубокие струны. С нами говорит гигант, и он заслуживает того,

33 Выдающееся явление мировой культуры (продолжение) // Искусство кино. – 1979 – № 9. – С. 138.

34 Там же.

чтобы мы отвели ему по праву принадлежащее место как в своих энциклопедиях, так и в своих сердцах»³⁵.

Таким образом, серьёзной культурологической мысли Запада принадлежит весомая роль в освоении художественного наследия русского классика. Своя специфика культурно-цивилизационного опыта сказывается на формировании его восприятия. Зарубежное восприятие его творчества в диалоге с классическими культурами Востока уже приобретает межцивилизационный уровень – как *всечеловеческая ценность*. Освоение художественно-эстетического опыта Шукшина базируется на активном процессе, тесно связанном с запросами национальных культур-цивилизаций. Особенно импонирует художественным культурам традиционного Востока обращение русского классика к крестьянской тематике, ориентация на народную культуру.

Исследуя восприятие и освоение творчества Шукшина на цивилизационном уровне, нельзя не отметить не только широкий социокультурный резонанс на него в классических культурах Востока и осо-

35 Martin M. Le chant de la terre // Aspects du cinema sovietique. Publie par l'Association France – URSS: Vassili Choukchine. – Paris, 1981. – № 2. – P. 18.

бенно Запада, но и по достоинству оценить его масштабность освоения в пограничных «неклассических» культурах-цивилизациях Латинской Америки и Славянского мира. В них художественно-эстетическое воздействие русского художника представляет собой закономерное проявление традиционного обмена духовными ценностями. Интерес к нему обусловлен глубиной культурологического содержания наследия, выражающего духовный облик русского человека в планетарных по резонансу и достижениям, несомненно, русского XX века и тем самым содействуя осмыслению сложных проблем современного мира. Более того, в названных пограничных «неклассических» цивилизациях рецепция наследия Шукшина предстаёт в качестве «духовного ядра», когда ищут Россию, её народ и культуру. Вместе с тем славянские деятели культуры проявляют определённую аутентичность его восприятия, основанную на принадлежности к одной цивилизации, известной близости культурных архетипов. По данной причине «славянский Шукшин» выделяется – в сравнении с культурами-цивилизациями Востока и Запада – особой глубиной постижения философско-культурологической

мысли и освоения. Своя специфика социокультурного опыта, свои национальные традиции в видении русского художника сказались на формировании своеобразия его цивилизационного восприятия.

Из множества пронизательных наблюдений и оценок серьезной философско-культурологической, филологической и публицистической мысли формируется объективно-ёмкий взгляд на Шукшина-мыслителя в русской традиции, большого писателя и кинематографиста. Сегодня очевидно, что мировое признание и популярность его наследия в известном смысле объединяет деятелей культуры разных цивилизаций, кодов и типов культуры. Магия его творчества определяется мощью богатейшего художественного дара, высокой духовностью и мастерством, без которых этот дар не мог бы по-настоящему раскрыться. Почти полвека к нему продолжает обращаться немало различных по своим мировоззренческим и эстетическим взглядам носителей зарубежных культур. Среди них имеются представители – их более всего, – кто находит в книгах и кинематографе Шукшина ценные культурологические познания в области истории, социологии, философии жизни и быта, ментальности

русского народа. Одних шукшинские персонажи привлекают в первую очередь напряжённостью нравственно-этических и духовных исканий, драматургическими коллизиями судеб. Другие ищут в его произведениях прямых уроков профессионального мастерства. Имеются и такие, кого покоряет сама органическая целостность, мощь и оригинальность дарования автора «Калины красной», покоряет в иных случаях настолько, что заставляет переосмыслить свою позицию неприятия идейного или эстетического кредо русского феномена. Его масштабной личности отдает должное известный польский шукшиновед и культуролог Э. Павляк: «Жизнь и творчество Шукшина привлекают нас с такой силой, так остро действуют на наши души и воображение, что часто под их влиянием мы еще раз *пересматриваем наш взгляд* на определенные проблемы как жизни, так и искусства»³⁶.

«Польский Шукшин» с характерной для него апелляцией к национально-русскому и всечеловеческому содержанию наследия дает основание культурологу и

---

36 Pawlak E. Fenomen W. Szukszyna // Miesięcznik Literacki. – 1977. – № 12. – Р. 88.

филологу-русисту А. Жебровской констатировать: «Своим творчеством он ответил потребностям определенного времени, *выразил какой-то существенный настрой нашей литературно-общественной эпохи* и тем самым открыл себе дорогу к самому широкому адресату, в том числе иностранному»³⁷. Соединение в творчестве Шукшина национальных черт и цивилизационных художественных ценностей мирового значения убедительно фиксирует болгарский публицист С. Игов: «Не знаю, каким другим словом можно определить его творчество, кроме как – русское, бесконечно русское всё, созданное им. Да, его творчество поистине дышит Русью, оно – *целая русская вселенная* в современной культуре»³⁸. В то же время его польский коллега К. Муха существенно раздвигает границы резонанса духовности. «Рассказы Шукшина – русские в том смысле, что фоном для них служит русская действительность. Но они – «не только русские», как не «только французской» является проза Сент-Экзюпери и не «только амери-

канской» – проза Хемингуэя»³⁹. Мера человеческого содержания определяет активное бытование наследия большого Мастера за рамками своей национальной культуры.

То авторское кино, которое предлагает нам Шукшин, проницательно отмечает польский публицист В. Саневски, – это по своим философско-этическим масштабам высокогуманистическое кино, *обращенное к человеку и его проблемам*. То, как приняты его фильмы, подтверждает, что «именно такого киноискусства ждут и зрители, и критика; что вопросы, которые затронул этот художник, актуальны и за пределами его отчизны – они *универсальны*»⁴⁰. С этой позицией солидарны и многие деятели культуры Латинской Америки. Транскультурное синкретичное пространство латиноамериканских народов с атмосферой напряжённых идейно-эстетических исканий в широком диапазоне «*философии латиноамериканской сущности*», «*нового кино*», и «*нового романа*» являлись весьма благодатной почвой для цивилизационного осмысления русского дарования.

37 Жебровска А.И. Восприятие творчества В. Шукшина в Польше (1964 – 1980): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1982. – С. 10.

38 Игов С. Таланти руски // Пламък. – София, 1977 – № 4. – С. 218.

39 Mucha K. Szukszyn – bliżej do serca // Kamena. – 1979. – N. 23. – P. 5.

40 Саневский В. Гуманистическое кино Шукшина // Сиб. огни. – 1979 – № 7. – С. 177.

Становились всё значительнее понимание творческой личности Шукшина и раскрываемых им проблем. Определяя причину художественно-эстетического влияния Шукшина на «пылающем континенте», авторитетные деятели культуры зачастую констатировали *покоряющую народность* его искусства и исключительное внимание к внутреннему миру простого «маленького человека». В русле сказанного кубинский публицист П. Пино Пич, фиксируя громкий успех «Калины красной» в культурах Латинской Америки, отмечает, что все актёры, несмотря на географическую, языковую и цивилизационную отдалённость, с «большой любовью и правдой» доносят до латиноамериканской аудитории впечатляющих персонажей «этой замечательной киноленты»⁴¹.

В раздумьях-суждениях многих исследователей открываются всё новые цивилизационно-культурные уровни постижения Шукшина-художника. Всечеловеческое и национальное находятся в диалектическом единстве, определяемом соответствующим качеством мирового историко-культурного процесса.

41 Pichs P.P. El sauquillo rojo // El Caiman Barbudo. – La Habana, 1978. – № 9. – P. 5.

Из многочисленных наблюдений и проницательных оценок серьезных деятелей зарубежных культур вносятся всё новые значимые штрихи в творческий портрет художника, чьё наследие перестает быть только национальным достоянием. «Как прозаик и кинематографист, – справедливо фиксирует А. Жебровска, – Василий Шукшин *включился в общемировую тенденцию поисков* нравственной гармонии и цельности в период грандиозных общественных сдвигов и, благодаря яркому таланту, сумел придать своему голосу индивидуальное звучание»⁴². Значительность данного вывода по-своему резюмирует словацкий культуролог В. Черевка: «Шукшин оставил наследие, которое будет служить ещё многим поколениям»⁴³.

Непреходяще внимание к поразившей зарубежное сознание творческой личности Шукшина, его художественным ипостасям. Чешские и словацкие теоретики и историки культуры вносят свой весомый вклад в создание национального «мозаич-

42 Жебровска А.И. Восприятие творчества В. Шукшина в Польше (1964 – 1980): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1982. – С. 6.

43 Čerevka V. Sučastnost v Šukšinovej tvorbe // Šukšin V. Červená kalina. – Bratislava, 1981. – P. 378.

ного портрета» русского писателя и кинематографиста. Так, для чешского публициста Я. Секеры он – «необыкновенная личность, человеческий феномен, которому долг этого мира проник до мозга костей», «им просматривается универсальное решение проблем бытия возможное в советском варианте *развитие цивилизации*»⁴⁴. Высокая оценка объясняется воистину всечеловеческой сутью художественного наследия Шукшина. Именно по данной причине «личность настолько многостороннюю нельзя заменить ничем: её опыт неисчерпаем, другие будут использовать и нести его дальше, к новым открытиям в искусстве, на пользу нового мышления нашей эпохи. Шукшин – *большое явление мирового искусства*»⁴⁵. Деятель культуры славянской цивилизации подтверждает масштабное «присутствие» художника-мыслителя. «Творчество Шукшина немалое, – заявляет чешский публицист Ш. Влашин, – и принадлежит к мировой прозе и кино последних десятилетий»⁴⁶.

44 Sekera J. Vasilij Šukšin // Šukšin V. Postskriptum. – P., 1981. – P. 296.

45 Там же. С. 307.

46 Vlašin S. Nad povídkami V. Šukšina // Tvorla. – 1976. – č. 4. – P. 9.

Для болгарского филолога-русиста Д. Цветковой, глубоко изучившей творческую лабораторию автора, очевидно на цивилизационном уровне восприятия «непреходящее воздействие творчества Василия Шукшина, ибо он успевал откликаться на каждое событие, каждый спазм нашего времени, глубоко и тонко понимая природу современного человека»⁴⁷. Разделяя мнение многих коллег, словацкий культуролог и филолог-русист О. Марушьяк тоже оценивает духовно-нравственный вклад Шукшина на уровне «культурных миров». «Он пишет об *историческом развитии цивилизации*, когда бóльшая часть сельского населения чувствует потребность уже сегодня жить качественно иной жизнью»⁴⁸.

Российская кинематография всегда являлась источником вдохновения, примером активного освоения задач искусства, обоснованно резюмирует чешский режиссер А. Кахалик, делая ретроспективный взгляд на историю развития кино в СССР. Разнообразие творческих концепций и подходов формируется в единое по своей направле-

47 Цветкова Д. Памяти В.М. Шукшина // Болг. русистика. – София, 1964. – № 6. – С. 12.

48 Marušiak O. Pozvi ma do jasnych dial'av // Slovenské pohľady. – Bratislava, 1978. – č. 8. – P. 140.

ности явление – феномен российского кинематографа. Для его развития характерно постоянное сочетание поисков в области художественных средств с обогащением всё более глубокого содержания, затрагивающего самые разнообразные стороны жизни человека и общества. Чешскому деятелю культуры ближе и интереснее мастера – режиссеры нового поколения, активно работающие в кино в 1970-х гг. Как и их предшественники-классики, они стремятся найти свой творческий путь, на котором кинематографу предстояло развиваться. Они привносят в киноискусство не только новые формы, но и новые идеи, что является особенно ценным и перспективным. «Самым заметным режиссером этого поколения считал Василия Шукшина», – фиксирует славянский мастер⁴⁹.

Театральные режиссеры, культурологи и публицисты в славянских культурах находят всё новые «точки зрения» в интерпретации и постижении поистине неисчерпаемых произведений Шукшина. К примеру, в «Энергичных людях» и других своих комедиях, полагает польский театровед Э. Жмудзка, «удивительный

и очень русский писатель потрясающим образом *охватил сущность и противоречия нашего века* – то, что в нас наиболее запутано и темно»⁵⁰.

Восприятие и освоение творчества Шукшина на цивилизационном уровне позволяет отметить широкий социокультурный резонанс на него во многих классических и неклассических культурах, особенно в их научных кругах, видящих синтетические слагаемые феномена русского писателя и кинематографиста в высоком мастерстве, покоряющем гуманизме и истинной народности, новаторстве и преемственности традиций классики. Он остается в поле зрения серьезных специалистов по русской культуре XX – XXI вв. вне зависимости от политического климата в современном мире: К. Бенедетти (Италия), М. Мартен (Франция), Дж. Гивенс (США), Фаиз Ахмад Фаиз (Пакистан), Мари Сэо (Япония), И. Цветков (Болгария), Э. Павляк (Польша), Г. Бинова (Чехия), Л. Келечени (Венгрия) и другие. В восточной, западной, латиноамериканской и славянской философско-филолого-культурологической мысли Шукшин воспринимается как участ-

49 Выдающееся явление мировой культуры (продолжение) // Искусство кино. – 1979. – № 9. – С. 172.

50 Żmudzka E. Szukaszyn – inaczej. Teatr Polski, Poznań: Ludzie energiczni // Teatr. – 1980. – № 8. – Р. 10.

ник создания граждански честной, написанной «изнутри» хроники жизни и трагедий советского общества, тем самым по праву являясь историческим художником. Среди многих свидетельств выделяется резюме сербской поэтессы М. Божич: «Шукшина вижу хроникёром своего времени, занимающим лидирующее место в современной культуре»⁵¹.

Авторитетные зарубежные исследователи культуры видят в художественном наследии Шукшина важную *составную часть духовного мира* человечества, в котором живут и действуют памятные образы, идеи и идеалы. Для персонажей большого художника и мыслителя в русской традиции естественное существование на Земле отражает их понимание жизни как источника Добра, Правды и Красоты. Вместе с тем они постигают её смысл, отдавая должное принципиальной гражданственности и нравственной чистоте человека как её главной духовной основе. Болгарский культуролог А. Свиленов на сей счёт убеждённо заявляет: «*Значение Шукшина будет пребывать с годами*»⁵².

51 Из архива автора: письмо поэтессы Милки Божич от 3.02.1983 г., Белград. – С. 116.

52 Свиленов А. Василий Шукшин отблизко // Пламък. – София, 1975. – № 6. – С. 197.

Система ценностей Российской цивилизации, представляемая феноменом Шукшина, создаёт все условия для его духовного самоопределения, стремления послужить своим творчеством национальному возрождению: «Важно прорваться в будущую Россию!». Тем самым он как «реалист в высшем смысле» (Ф. Достоевский), свидетельствует, что Россия является мощным фактором мировой цивилизации через свою культуру, искусство, науку, через свою многовековую цивилизацию. Шукшин даёт последовательно и многосторонне ёмкий анализ духовного – в индивидуально-психологическом, социального – в интимно-личном. Он несокрушимо верит в способность человека познать завещанную ему истину, постичь красоту, творить добро. «С ним российское и вообще мировое искусство потеряло исключительно талантливого писателя, сценариста, режиссера и актёра», – заметил венгерский кинодеятель В. Банлаки⁵³. В этом сказывается неиссякаемый нравственный оптимизм, всечеловеческое звучание его слова и кинематографа, по достоинству оцененные в зарубежных культурах и цивилизациях. С пу-

53 Banlaki V. V. Suksin vilaga // Kritika. – 1975. – № 11. – С. 33.

бликацией на различных языках мира всё новых переводов произведений и ретроспективных демонстраций фильмов «выдающегося искусства Василия Шукшина» (Д. Фини, США) становится очевидным тот факт, что в

сознании теоретиков, историков и деятелей культуры, читательской и зрительской аудитории Востока, Запада, Латинской Америки и Славянского мира с ним прирастает слава русской культуры XX – XXI столетий.

Список литературных источников

1. Выдающееся явление мировой культуры // Искусство кино. – 1979. – № 8, 9.
2. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира: Сходства и отличия. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 544 с.
3. Жебровска А.И. Восприятие творчества В. Шукшина в Польше (1964 – 1980): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
4. Игов С. Таланти руски // Пламък. – София, 1977. – № 4.
5. Из архива автора: письмо поэтессы Милки Божич от 3.02.1983 г., Белград.
6. Розанов В.В. Среди художников. Собрание сочинений. / Под общей редакцией А.Н. Николюкина. – М. Республика, 1994. – 494 с.
7. Саневский В. Гуманистическое кино Шукшина // Сибирские огни. – 1979. – № 7.
8. Свиленов А. Василий Шукшин отблизо // Пламък. – София, 1975. – № 6.
9. Фаиз А.Ф. Достояние общества // Иностран. литература. – 1985. – № 1.
10. Фейхтвангер Л. Литература – сила, сближающая народы // Фейхтвангер, Л. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. Кн. 1. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 721-723.
11. Цветкова Д. Памяти Василия Макаровича Шукшина // Болгарская русистика. – София, 1984. – № 6. – С. 10-15.
12. Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание: межвуз. сб. ст. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – 172 с.
13. Ahrens P. Schukschin im Kino und ein paar Fragen // Weltbuhne. – 1976. – № 26.
14. Banlaki V. V. Suksin vilaga // Kritika. – 1975. – № 11.

15. Benedetti C. Fu interprete fedele della vita Contadina // L'Unita. – Roma, 1974. – 4 ott.
16. Bernardini D. Il viburno rosso // Rassegna Sovietica. – Roma, 1978. – № 7.
17. Čerevka V. Sučastnost v Šukšinovej tvorbe // Šukšin V. Červena kalina. – Bratislava, 1981.
18. Debüser L. St. Rasin – Geschichte, Legende, Literatur // Schukschin W. Ich kam euch die Freiheit zu bringen. – Berlin, 1978.
19. Debüser L. Unwirklich muß man über Rußland nachdenken // Schukschin W. Kalina Krasnaja. Novellen. Filmszenarien. Selbstzeugnisse. – Berlin, 1981.
20. Hiersche A. Ein legendärer Rebell aus dem Heute gesehen // Neues Deutschland. – Berlin, 1979. – 17 / 18. Febr.
21. Hofmann H. Berendtes Zeugnis von der Kraft des Menschen: «Kalina Krasnaja» – ein bedeutendes sowjetisches Filmwerk // National – Ztg. – 1975. – 23. Sept
22. Hosking G. The Fiction of Vassily Shukshin // Shukshin V. Snowball berry Red and other stories. – N.Y., 1979.
23. Lo Gatto E. Il viburno di Sciukscin // Il Tempo. – Roma, 1978. – 20 mag.
24. Luxemburg R. Die Seele der russischen Literatur // Luxemburg R. Schriften über Kunst und Literatur. – Dresden, 1979.
25. Mannila S. Suksin V.: Stenka Razin // Kansat Uutiset.– Helsinki, 1977. – 12 marrast.
26. Martin M. Le chant de la terre // Aspects du cinema sovietique. Publie par l'Association France – URSS: Vassili Choukchine. – Paris, 1981. – № 2.
27. Marušiak O. Pozvi ma do jasnych dial'av // Slovenské pohľady. – Bratislava, 1978. – č. 8.
28. Mauro W. Vasilij Suksin e la persona umana // Il Popolo. – Roma, 1978. – 10 febr.
29. Mucha K. Szukszyn – bliżej do serca // Kamena. – 1979. – N. 23.
30. Nemeč Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya throgh Song // Slavic and East European Journal. – 1988. – vol. 32. – № 3.
31. Pawlak E. Fenomen W. Szukszyna // Miesięcznik Literacki. – 1977. – № 12.
32. Pichs P.P. El sauquillo rojo // El Caiman Barbudo. – La Habana, 1978. – № 9.
33. Reschke Th. Stenka Rasin – Mensch und Legende // Buchlub-65. – 1978. – № 4.

34. Richter J. ... denn das Dorf ist schon keine Insel mehr // Neues Deutschland. – 1976. – 24. Apr.
35. Santuari A. Un poeta – contadino senza nostalgia // Paese sera. – Roma, 1978. – 8 lug.
36. Sekera J. Vasilij Šukšin // Šukšin V. Postskriptum. – P., 1981.
37. Sobe G. Auf dem Wege einer Hoffnung // Berliner Zeitung. – 1975. – 26. Sept.
38. Tilli J. Suksin, taiteilija, nero // Kansan Uutiset–Helsinki, 1979. – syys. 30 – № 263.
39. Tommola H. Fenomenet V. Sjuksjin // Horisont. – Vasa / Stockholm, 1980. – № 3.
40. Vlašin S. Nad povidkami V. Šukšina // Tvorla. – 1976. – č. 4.
41. Woll J. A soviet writer above ground // New leader. – N.Y., 1979. – vol. 62. – № 4.
42. Żmudzka E. Szukszyn – inaczej. Teatr Polski, Poznań: Ludzie energiczni // Teatr. – 1980. – № 8.

V.M. Shukshin in interconnections and interaction of civilizations

Stopchenko Nikolai Ivanovich

Doctor of Culturology, professor,

Southern Federal University,

Post Box 344006, Bolshaya Sadovaya st., 105, Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

Culturological thoughts of both the West and the East have played a great role in exploring the Russian classical writer V. Shukshin's artistic legacy. A particular specific character of cultural and civilizational experience has influenced his perception. His creative work comprehension by foreign readers who are in dialogue with classical cultures of the East is gaining transcivilizational level as a human

value. Shukshin's artistic and aesthetic experience exploration is based on the active process closely connected with the requests of the national cultures-civilizations. The appeal of the Russian classic to the peasant theme and his commitment to the national culture are attractive to artistic cultures.

Keywords

Civilizational approach, sociocultural dialogue, Russian view, authentic perception, inflamed nerve of our time, human frontiers of knowledge, national cultural specific features, all-human problems, contiguous civilizations, non-national consciousness.

References

1. Remarkable phenomenon of world culture // *Iskusstvo kino*. – 1979. – No. 8, 9.
2. Gachev G.D. *Mentality of the peoples of the world: Similarities and differences*. – Moscow: Eksmo, Algoritm, 2003. – 544 p.
3. Zhebrovska A.I. *The perception of creativity of Shukshin in Poland (1964-1980): abstract of candidate of Philology dissertation*. – Moscow, 1982.
4. Igov S. *Russian talent // Plamk*. – Sofia, 1977. – No. 4.
5. From the archives of the author: a letter from the poet Milka Bozhich from 03.02.1983, Belgrade.
6. Rozanov V.V. *Among the artists. Collected Works*. – Moscow, Respublika, 1994. – 494 p.
7. Sanevskii V. *Humanistic cinema of Shukshin // Sibirskie ogni*. – 1979. – No. 7.
8. Svilenov A. *Vasilii Shukshin otblizo // Plamk*. – Sofia, 1975. – No. 6.
9. Faiz A.F. *Heritage of society // Inostrannaya literatura*. – 1985. – No. 1.
10. Feuchtwanger L. *Literature is the force bringing nations together // Feuchtwanger L. Collected Works. In 6 vls. Book 1*. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. – P. 721-723.
11. Tsvetkova D. *To the momory of Vasilii Makarovich Shukshin // Bolgarskaya rusistika*. – Sofiya, 1984. – No. 6. – P. 10-15.
12. *Prose language of V.M. Shukshin*. – Barnaul, 2001. – 172 p.
13. Ahrens P. *Schukschin im Kino und ein paar Fragen // Weltbuhne*. – 1976. – No. 26.

14. Banlaki V. V. Suksin vilaga // *Kritika*. – 1975. – No. 11.
15. Benedetti C. Fu interprete fedele della vita Contadina // *L'Unita*. – Roma, 1974. – 4 ott.
16. Bernardini D. Il viburno rosso // *Rassegna Sovietica*. – Roma, 1978. – No. 7.
17. Čerevka V. Sučastnost v Šukšinovej tvorbe // Šukšin V. Červena kalina. – Bratislava, 1981.
18. Debüser L. St. Rasin – Geschichte, Legende, Literatur // Schukschin W. Ich kam euch die Freiheit zu bringen. – Berlin, 1978.
19. Debüser L. Unwirklich muß man über Rußland nachdenken // Schukschin W. Kalina Krasnaja. Novellen. Filmszenarien. Selbstzeugnisse. – Berlin, 1981.
20. Hiersche A. Ein legendärer Rebell aus dem Heute gesehen // *Neues Deutschland*. – Berlin, 1979. – 17. / 18. Febr.
21. Hofmann H. Berendtes Zeugnis von der Kraft des Menschen: "Kalina Krasnaja" – ein bedeutendes sowjetisches Filmwerk // *National – Ztg.* – 1975. – 23. Sept
22. Hosking G. The Fiction of Vassily Shukshin // Shukshin V. Snowball berry Red and other stories. – N.Y., 1979.
23. Lo Gatto E. Il viburno di Sciukscin // *Il Tempo*. – Roma, 1978. – 20 mag.
24. Luxemburg R. Die Seele der russischen Literatur // Luxemburg R. Schriften über Kunst und Literatur. – Dresden, 1979.
25. Mannila S. Suksin V.: Stenka Razin // *Kansat Uutiset*. – Helsinki, 1977. – 12 mar-rast.
26. Martin M. Le chant de la terre // *Aspects du cinema sovietique*. Publie par l'Association France – URSS: Vassili Choukchine. – Paris, 1981. – No. 2.
27. Marušiak O. Pozvi ma do jasnych dial'av // *Slovenské pohľady*. – Bratislava, 1978. – č. 8.
28. Mauro W. Vasilij Suksin e la persona umana // *Il Popolo*. – Roma, 1978. – 10 febr.
29. Mucha K. Szukszyn – bliżej do serca // *Kamena*. – 1979. – N. 23.
30. Nemeš Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya throgh Song // *Slavic and East European Journal*. – 1988. – vol. 32. – No. 3.
31. Pawlak E. Fenomen W. Szukszyna // *Miesięcznik Literacki*. – 1977. – No. 12.
32. Pichs P.P. El sauquillo rojo // *El Caiman Barbudo*. – La Habana, 1978. – No. 9.
33. Reschke Th. Stenka Rasin – Mensch und Legende // *Buchlub-65*. – 1978. – No. 4.

34. Richter J. ...denn das Dorf ist schon keine Insel mehr // Neues Doutschland. – 1976. – 24. Apr.
35. Santuari A. Un poeta – contadino senza nostalgia // Paese sera. – Roma, 1978. – 8 lug.
36. Sekera J. Vasilij Šukšin // Šukšin V. Postskriptum. – P., 1981.
37. Sobe G. Auf dem Wege einer Hoffnung // Berliner Zeitung. – 1975. – 26. Sept.
38. Tilli J. Suksin, taiteilija, nero // Kansan Uutiset–Helsinki, 1979. – syys. 30 – No. 263.
39. Tommola H. Fenomenet V. Sjuksjin // Horisont. – Vasa / Stockholm, 1980. – No. 3.
40. Vlašin S. Nad povidkami V. Šukšina // Tvorla. – 1976. – č. 4.
41. Woll J. A soviet writer above ground // New leader. – N.Y., 1979. – vol. 62. – No. 4.
42. Żmudzka E. Szukszyn – inaczej. Teatr Polski, Poznań: Ludzie energiczni // Teatr. – 1980. – No. 8.